

Случались ли в вашей жизни такие периоды, когда хочется выйти из размеренного течения событий, избавиться от бытовой тины и двинуться навстречу тому, о чем себе только иногда позволял мечтать? Вот как тот обеспеченный сверх меры миллионер-иностранец, который вдруг купил воздушный шар и отправился на нем вокруг света. Или как житель огромного мегаполиса, что уехал жить в глухую деревню.

Вот и у меня была одна такая невероятная мечта. Мне хотелось учиться рисовать.

— Почему невероятная? — спросите вы. Да потому, что я понимаю: всякое дело требует от человека, как правило, таланта и времени всей жизни.

— В тринадцать лет я уже рисовал, как Рафаэль! — воскликнул кто-то из великих художников. Но вторым Рафаэлом он не остался. Он стал собой.

И вот я, отдавая себе отчет и в дефиците времени свободного, и времени жизни, когда тебе уже далеко не тринадцать, все же потянулась к этой своей мечте, как невольно тянутся к высокому цветущему дереву, излучающему аромат на весь свет.

В один из холодных дней начала зимы, когда особенно напрягает малоцветье, я позвонила по телефону, который увидела где-то в соцсетях. Так я попала в студию Анастасии Реутовой.

Настя — хрупкая женщина с неисчезающей улыбкой и искорками в глазах. Ей приходится быть преподавателем, художником, психологом, терапевтом, другом и много кем еще. И не зря на двери арендуемой ею мастерской красуется надпись — «Мастер Настя». Стиль обучения здесь демократичный и основан на искреннем интересе к обучаемым. Каждый новый ученик присоединяется к группе и рисует в меру своего умения и способностей. Она же отталкивается от самого лучшего, что видит в работе, а недостатки замечает, не делая из этого трагедии, и как-то по ходу дела, незаметно, советует, как их исправить.

Мне нравится наша, вновь образовавшаяся, группа живописцев. Основа учебы — искренняя увлеченность и работа с радостью. В жизни я часто вижу, как люди, сказав «А», на «Б» уже не решаются. Вот музыкант — годы поет одни и те же песни; или художник — помню в мастерской у одного знакомого на мольберте всю жизнь все та же картина; одни и те же стихи переиздают годами. Может быть, и песни, и картины, и стихи эти старые неплохи, но люди, их создавшие, словно засушены во времени, остановились, их будто нет. Не знаю, отчего гаснут люди. Кончается удивление жизнью, наплывает усталость, приходит понимание, что

лучше гениев не сделаешь? Думаю, что творить продолжают влюбленные в жизнь, не ждущие тут же награды за то, что потрудились.

О Пикассо рассказывают, что он часто покупал квартиру, где работал, а когда она заполнялась картинами, скульптурами полностью, закрывал ее и уходил в следующую. В студии Насти я ощущаю себя вот в такой творческой квартире, которая пока не заполнена. А еще Настя является организатором группы художников «Самовар», я была однажды на их фестивале на хабаровских прудах осенью, где находится, прямо на природе, их вольная штаб-квартира. Группа существует уже более шести лет, их встречи — это всегда обмен творческими идеями, обязательно совместная работа, приглашаются натурщики, пишутся работы на пленэре. Здесь же, прямо внутри спокойной жизни вокруг прудов, проводятся выставки. Стало традицией приносить с собой самовар. И вот попить чай и посмотреть картины может любой желающий прохожий. Здесь зеркальная поверхность воды отражает головокружительную высоту деревьев, и в душе художников отражаются их будущие картины. Все по законам любимого Настей импрессионизма.

И мы с нашей группой при любой возможности отправляемся на пленэр. Не зря первую выставку мы назвали «Пойманный день». День отгорит, исчезнет, а если успеешь его схватить и сохранить на полотне — он останется жить. Каждый пленэр как приключение, и Настя — наш командир — впереди. Вот едем на Сикачи-Алян к знаменитому местному художнику Илье Лиханову, рисуем забытый питомник Лукашова, пишем в Дендрарии. И вот уже, впервые, я участвую в выставке «Пойманный день» в Дальневосточной научной библиотеке. Там все воистину сказочное: залы с книгами, высокие потолки, сверкающие люстры, нарядные елки и наши работы, выставленные для всех.

Главное, что есть в Насте — это желание сделать что-то необычное здесь и сейчас. Не стирать пыль с реликвий прошлого, не гадать, что будет, а просто работать волшебником сейчас. Не получится — попробуем еще.

Я провожу кистью по холсту и чувствую себя творцом этих листьев, света, фигурок. Есть такое выражение — глаз бури. Картина — это глаз бури чувств.

Один из ее советов — как можно реже пользоваться черной краской в чистом виде, а лучше сделать ее из трех разных цветов, тогда она содержательнее и интереснее. Мне кажется, что и в жизни Настя старается исключить черную краску — она тянется к радости и ярким цветам. Одну из картин она хотела назвать «Ожидание радости». Люди у нее на портретах как будто подсмотрены в момент своего расцвета — яркие и наполненные жизненной силой. Она рассказывала нам, что когда видит даже очень пожилого человека, то мысленно представляет его молодым, думая, что он прожил хорошую жизнь, и невольная печаль смягчается.

Любимый раздел ее собственного творчества, как мне кажется, — это портреты. Она с удовольствием рисует людей из своего окружения — подруг, художниц, актрис. Вот яркий портрет, который называется «Бабушкина шляпка». Мы видим молодую девушку, которая на минутку присела перед зеркалом, для того чтобы примерить бабушкину шляпку. Взгляд ее будто оставляет полотно и летит куда-то в неизвестность. На заднем плане — гитара, значок метро, уезжающее в небытие время. Сиреневый цвет шляпки бликует в темных волосах. В глазах девушки удивление, от того ли, что она видит свое сходство с бабушкой, когда та была молода, или слышится ей голос из будущего, неожиданно окликнувший. Очень теплая картина. Есть у Насти еще один портрет, остановившись у которого, надолго задерживаешься. Это портрет художницы Дины Пикулиной. Он выполнен в нежных тонах — голубовато-синих, розоватых. Кажется, что само утро выбрало для себя полотно — чистое лицо девушки. Удивительны ярко-голубые глаза, которые, как

две фарфоровые рыбки плывут мимо берегов пышных волос. Синие бусы отдыхают на белизне блузки и перекликаются с глазами, словно они из одной стихии — неба ли, моря... Художник будто не может налюбоваться своей моделью.

Необычна картина «Обнаженные в душе». Три девушки в замкнутом пространстве душа окружены трубами, вентилями. Почему-то мне представилось, что они где-то на космической станции Марса и воду, льющуюся сверху, воспринимают как божественный подарок Земли. Они будто три росточка нездешней планеты.

Любит Настя писать и натюрморты. Вот один из них — «Снег и кофе». За окном заснеженный зимний вечер, на подоконнике вызывающе цветет фиалка, а рядом, как дружная восточная семья, — чашка кофе, кофемолка, турка. Этот маленький отряд будто вышел на защиту тепла и уюта в доме. Он напоминает об африканской жаре, нежности цветов и обещает тепло и любовь для всех домочадцев.

Рассматриваю еще один натюрморт: на старой стене — видимо, в стадии ремонта — граффити кошки. Рядом — наверно, строители оставили — разломанный гранат и мандарин с зеленым листиком. Нарисованная кошка удивленно смотрит на эти дары: «Мы, кошки, не прельщаемся красотами фруктов». Скоро кошку, конечно, закрасят, но пока сказка продолжается — нарисованная кошка смотрит на фрукты...

Есть у Насти большая картина «Будет день, будет радуга». Большая — в смысле размера, где-то два метра в высоту. Настя с трудом достала такой большой холст, трудно было его привезти. Когда я смотрела на эту картину, мне вспомнилась история из собственной жизни. Сын, когда ему было года четыре, увидел по телевизору документальные съемки немецких бомбардировок. Он удивился, говорит:

— Мама, а там же люди, почему они бросают бомбы?

Я объяснила. Он подумал и сказал:

— Ах, так! Ну ничего, я вырасту, крышу над городом покрою!

На картине Насти такая радужная крыша над городом. Она словно хочет ею обнять каждого и подарить кусочек радуги и своей души всем нам.

